

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СИСТЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1883-1905 гг.

Е. С. ШАВЛОХОВА

После окончания Кавказской войны российская политика в регионе претерпела существенные изменения. В первую очередь это выразилось в ограничении самостоятельности кавказской администрации. Положение «Об управлении кавказским наместничеством», вышедшее в 1967 г., сузило права наместника, который фактически превратился в командующего войсками Кавказского военного округа. До этого ему подчинялись руководители всех губерний, где были организованы правления, суды, казенные палаты, учреждения государственных имуществ. Теперь же военные и гражданские функции были разделены, последние отошли в ведение Главного управления наместника [1, 189-190]. После ликвидации кавказского наместничества с 1883 г. главой администрации на Кавказе стал Главномачальствующий гражданской частью [1, 246-247]. На новом этапе реформы административного управления основные задачи заключались «в достижении большего сближения Кавказа с коренным организмом империи, в установлении непосредственной связи между отдельными отраслями управления... края и соответствующими министерствами, в упрощении механизма местной центральной администрации» [2, 205-206].

В общем контексте кавказской политики реорганизация региональной власти относилась к той же системе переходных мер, которая с самого начала ос-

воения Северного Кавказа была взята на вооружение и в столице империи, и на местах. Отличительной особенностью этих мер являлась их временная и территориальная разнонаправленность, хотя по содержанию они практически не менялись в разных горских сообществах. Так, например, переход от военно-народного к гражданскому управлению осуществлялся не сразу, а постепенно, и вовсе не совпадал с основными этапами административно-территориальных преобразований. Несмотря на то, что Терская область образовалась в 1860 г., отказ от военной составляющей управления на Тереке произошел лишь спустя десять лет. Правда, альтернативой ей стала существенно изменившаяся социальная структура населения, одним из главных элементов которой являлось казачество, объединенное в Терское казачье войско, состоявшее на «государевой службе». К тому же и российская армия на Кавказе за это время претерпела изменения в количественном и качественном отношении.

Поэтому в плане контроля над горским населением официальное придание управленческим структурам гражданского облика фактически ничего не изменило. Любые волнения и выступления против власти были заранее обречены, поскольку за казаками сохранялась функция охраны общественного порядка не только в своих станицах и в других районах области, но и на остальных территориях Северного Кавказа [3,

6]. Об этом свидетельствует, в частности, факт и последствия участия терских казаков в подавлении антироссийского выступления горцев Чечни и Дагестана во время последней русско-турецкой войны, после которого было принято решение о создании походного штаба командующего войсками Терской области. Его задача состояла в поддержании постоянной готовности сил быстрого реагирования на любые происшествия, противоречившие политике российского самодержавия [4, 1].

Кроме того, новые полномочия Главноначальствующего в полной мере соответствовали его должности и статусу, в том числе в вопросах обеспечения стабильного общественно-политического развития региона. Он находился наверху локальной властной иерархии и сосредоточивал в своих руках не только права, которыми обладали нижестоящие административные чины, но и возможности санкционировать применение чрезвычайных мер воздействия против злостных нарушителей законодательства, зачинщиков беспорядков, организаторов бандитских налетов на населенные пункты и российские представительства вплоть до отселения в специально отведенные местности или выселения за пределы края.

Это свидетельствует о том, что в рассматриваемый период отчетливо проявилась необходимость скорректировать административную власть на Северном Кавказе в сторону ее усиления. Предпринимавшиеся ранее попытки с помощью либеральных средств обеспечить автоматическую преемственность российского законодательства в этнической среде убедительно доказали их несостоятельность. Форсировать процесс не было смысла, хотя обстановка в стране требовала его ускорения. Идеи свободолобия и равенства вышли за

пределы столичных городов в поисках благоприятной социальной среды в регионах.

Вполне вероятно, что в этой связи юрисдикция высшего должностного лица на Кавказе распространялась и на ведомственные учреждения, хотя номинально они представляли здесь конкретные министерства самодержавной власти и имели свое место в общей структуре отраслевого подчинения. В сущности своей, это являлось отступлением от существовавших в России законоположений, но относилось к разряду «особых правил об отношениях сих установлений и властей к главноначальствующему», определенных Указом Сената от 29 ноября 1882 г., который, в свою очередь, явился следствием введения в действие положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» [6, 54-57]. Но все же главное назначение административной власти определялось содержанием государственной программы реорганизации управления Кавказским краем. В данном аспекте основными структурами созданной вертикали являлись администрации губернского и областного уровня. При этом особых функциональных различий между начальниками губерний и областей не было. Собственно, как административно-территориальные единицы они отличались лишь по количеству государственных и ведомственных представительства.

Например, в Терской области не было предусмотрено создание областной государственной казенной палаты, поэтому вся отчетность о доходах и расходах материально-финансовых средств предоставлялась в соответствующий орган соседней Ставропольской губернии. Большое внимание в деятельности аппарата областного правления уделялось вопросам землеполь-

зования, поскольку пригодных для обработки земель явно не хватало. Это была как раз та сфера, состояние которой определяло качественный уровень отношений между местной властью и различными слоями населения. Земля на Тереке являлась главным средством стабилизации обстановки: ее выделением награждали за заслуги перед государством, а изъятием карали за противодействие имперским интересам.

Земельные споры разрешались и в судебном порядке, но дела такого характера возникали в основном на мелких разногласиях между отдельными хозяевами или обществами; что касается размежевания угодий в масштабах округов и области в целом, то его производство относилось к прерогативе государственного областного правления и не подлежало оспариванию. В этом отношении традициям местного населения, учет которых был изначально заложен в основу административно-правовых и территориальных реформ, не всегда уделялось должное внимание.

В начале 1880-х гг. участились случаи направления жителями горских аулов жалоб и прошений областному руководству по поводу обеспечения их качественными земельными участками. Общество аула Дуба-Юрт, например, просило предоставить ему дополнительную землю взамен имевшихся каменных участков, горцы из селения Герменчук жаловались на недостаток пастбищных угодий, ингуши Далаковского общества добивались передачи им дополнительных земельных наделов в Куртатинском ущелье [6, 15-16, 20]. Однако областные власти редко шли на удовлетворение подобных просьб и обращений, передавая их на рассмотрение местных администраций, в состав которых входили, в том числе, и владельцы тех самых земель, на которые

претендовали крестьяне. В результате они повышали арендную плату за предоставление пахотных участков до двух мер хлеба, а за использование лугов брали с каждой сотни голов по одной овце и ягненка [7, 48-49].

Особое недовольство в народной среде вызывали факты поселения в горские аулы по решению властей новых жителей из других мест. В условиях недостатка земли это являлось фактором роста напряженности в отношениях между представителями различных обществ. Тем не менее, областная администрация давала указания выделять переселенцам землю «в потребном количестве из частной собственности коренных жителей, не касаясь общественных земель» [8, 369-369об.], что также не способствовало стабилизации социальных и правовых отношений в горных районах Терской области.

Областное начальство в полном объеме несло ответственность перед вышестоящими инстанциями и верховной властью за положение дел в округах и отдельных населенных пунктах. В этом смысле доминирующее значение имели функции распределения повинностей и учета государственных доходов от налогообложения. Данная задача определяла направленность контроля над деятельностью органов общественного самоуправления независимо от их социально-статусного положения. Соблюдение установленных норм одинаково требовалось и от казаков, и от крестьян, и от горцев.

Назначение мер по усилению административных функций органов местной власти среднего звена и перехода на использование централизованных форм управления внутри губерний и областей, проявившихся в начале 1880-х годов, стало понятно в конце десятилетия, когда на повестку дня был

вынесен вопрос о переподчинении органов самодержавной власти на Кавказе военному ведомству. В этом проявилась переориентация региональной политики царизма под воздействием осложнения внутренней социально-политической обстановки. На местах она выразилась в строгой регламентации управленческих функций всех звеньев административной иерархии, в заметном ущемлении прав органов местного и общественного самоуправления.

Последние в свою очередь усилили давление на низшие слои населения, что вызвало их негативную реакцию. В областном и окружных правлениях участились случаи получения жалоб на аульных старшин в связи с притеснениями, злоупотреблениями властью и жестоким обращением с окружающими. Направляя коллективные письма, горцы Грозненского округа указывали в начале 1890-х гг., что «от всех бывших у нас старшин... мы много терпели, не говоря даже о жестокостях их с нами невинными бедняками». Кроме того, они особо подчеркивали, что «правды у них нет, всегда дружат с сильными, пока они сильны, а потом и их же подведут» [9, 159]. Но к подобным заявлениям руководство Терской области не всегда относилось с должным вниманием, а нередко поддерживало старшин, в отношении которых поступали жалобы, и предъявляло обвинения самим заявителям в неподчинении власти. Именно такую позицию в 1897 г. занял суд Владикавказа к жителям селения Насыр-Корт. В случаях, когда горцы в поисках справедливости подавали апелляции в вышестоящие инстанции, их настойчивость нередко воспринималась как действие, «оскорбительное для сего суда» [10, 136].

С марта 1888 г. на Терек, Кубани и в Черноморском округе значительно по-

высился статус казачества, административные органы которого сосредоточили в своих руках практически все вопросы военного и гражданского управления названными территориями. Согласно новому Учреждению управления Терской областью, например, здесь произошло совмещение функций областного правления с полномочиями административного заведывания казачьими войсками.

Как и прежде, начальник области обладал всей полнотой власти, но теперь он являлся еще и наказным атаманом казачьего войска, к функциональным обязанностям которого были отнесены все вопросы, касающиеся казачества, сельского и городского гражданского населения. Что касается северокавказских народов, то с этого времени они переходили в ведение командующего Кавказским военным округом. Следствием этих перемен стало отсутствие представительства от горских народов в органах областного управления. Несмотря на это, областной начальник был наделен особыми правами по контролю над деятельностью горских обществ и применению в случае необходимости мер воздействия в пределах его компетенции. Это свидетельствует о том, что к концу XIX в. районы с горским населением попали под двойное подчинение государственных структур, которые обладали реальными силовыми рычагами для наведения порядков и стабилизации обстановки в регионе. С одной стороны, это было областное управление, опиравшееся на казачье войско, с другой стороны — командование военным округом, располагавшее регулярными армейскими подразделениями.

Такое положение в сфере административного управления большим территориальным образованием с сложной

социальной и этнической структурой не могло сохраняться долго. Его внешние негативные проявления вылились в противоречия между казаками и гражданскими слоями населения, отстраненными от участия в управленческой деятельности, они постоянно углублялись и вели к усилению напряженности. Внутренние издержки созданной административной системы выражались в существенном увеличении бюрократической прослойки, которая не только не способствовала быстрому и качественному решению проблем управления, но и затрудняла реализацию политической стратегии самодержавия.

На Северном Кавказе, кроме военного ведомства, свои интересы сохранили Министерство внутренних дел, Министерство финансов и многие другие правительственные инстанции. Каждая из них требовала от областного начальства согласования с их представителями всех вопросов, относящихся к их ведению. Эта процедура занимала много времени и довольно редко давала положительный результат. Так, со временем полномочия местного руководства стали ограничиваться профилактикой нарушений государственного правопорядка, а все серьезные решения принимались на правительственном уровне. Естественно, что эта схема не устраивала ни правительство, ни административный аппарат на Кавказе, дальнейшая реорганизация структуры и системы управления, дополненная расширявшимся в регионе общественно-политическим движением, привела к необходимости возобновления деятельности Кавказского наместничества, которое вновь соединило в себе весь спектр гражданских и военных полномочий [2, 205-206].

Вместе с тем деятельность нового наместника с самого начала отличалась

большой ориентацией на зажиточные слои горской знати. Это было обусловлено тем обстоятельством, что дух революционной эпохи ощущался и в горах Кавказа. На сходах сельских сообществ горцы обсуждали не только вопросы внутренней жизнедеятельности, но проявили стремление использовать российское законодательство в своих интересах, начали выдвигать требования перед властями. Поэтому в качестве дополнения к существующему Положению в 1905 г. он дал указание изменить состав аульных сходов. С этого времени в них могли принимать участие только выборные лица из числа влиятельных семей, а не представители каждого двора, как это было раньше. Официально продекларированная цель таких изменений заключалась в желании упорядочить обсуждение наиболее важных дел общества. В реальности получилось так, что выборные члены схода, получившие мандаты на три года, образовывали некий надобщественный орган, который решал все хозяйственные, административные и правовые вопросы. Если провести аналогию с реформированием государственного аппарата в самой империи, то получается, что преобразования в этнических регионах Северного Кавказа осуществлялись с расчетом на внедрение в горской среде буржуазно-демократических основ государственного управления (см.: [11]).

Одновременно проводилась реорганизация обустройства территорий, населенных казачеством. В территориальном отношении в начале XX в. Терская область состояла из четырех отделов и четырех округов. Терское казачье войско располагало четырьмя полками всадников, двумя артиллерийскими батареями и двумя эскадронами императорского конвоя. В общей численности населения преобладали горцы —

55,8%, доля русских равнялась 34,7%. Остальная часть населения распределялась между выходцами из Закавказья, кочевниками, персами, поляками, немцами и т.д. По отношению к общей численности населения Терской области казаки составляли его пятую часть (вместе с женщинами) (подсчитано по: [14, 82-90]).

Еще в начале 1890-х гг. правительство решило перенести опыт обустройства Области войска Донского на все остальные казачьи территории и осуществить реформу самоуправления в этой среде. По новому положению казачье войско делилось на станицы и хутора, соответственно создавалось два вида общественного управления: станичное и хуторское. Возглавлял его атаман. В каждой станице учреждалось правление и суд. Все вопросы жизнедеятельности станицы решал сход или круг, в котором могли принимать участие и представители неказачьего населения, если решались вопросы, имеющие к ним непосредственное отношение [13, 68].

Так же как и старшины в горных селениях, атаманы в казачьих станицах избирались из зажиточной среды, а их содержание осуществлялось за счет общественных средств. При этом каждый атаман на территории своей ответственности обладал непререкаемыми правами, все его распоряжения и указания подлежали беспрекословному выполнению. Это было обусловлено, прежде всего, полувоенным положением казачества в социальной структуре региона, а также широкими полномочиями атаманов как представителей государственной власти в конкретном населенном пункте. Атаман отвечал за постоянную готовность казаков к несению службы, контролировал выполнение обязанностей лицами, избранными

ми в состав правления, решал вопросы распределения земельных участков, ведал всеми вопросами имущественного и хозяйственного характера, представлял интересы своей станицы в вышестоящих инстанциях [13, 68-69].

Для казачества такой инстанцией являлось войсковое начальство, которое имело право по своему усмотрению изменять состав правления в любой станице, но при этом не могло отстранять от должности атамана, который избирался на общем сходе и был подотчетен только станичникам. Такая структура власти в России на уровне низших звеньев административной системы была известна со времен великих реформ, однако в условиях Северного Кавказа, особенно в районах проживания горских народов и казаков, она не получила широкого распространения. К концу столетия в рамках общих преобразовательных процессов в сфере государственного устройства возникла необходимость установления единых стандартов управления во всей империи, включая районы расселения этнического населения [13, 68-69].

Для казачества такая реформа означала в первую очередь утрату былой самостоятельности, поскольку оно поступало в распоряжение военного ведомства. Естественно, что сохранились и прежние прерогативы, относившиеся к урегулированию внутренних проблем социальной и хозяйственной жизни, но пребывание на государственной службе определяло статус казаков и их роль в обществе (см.: [14]). Если раньше они сами устанавливали возможность и необходимость участия в той или иной операции, то теперь руководствовались приказами командующего военным округом, которые нередко противоречили их внутренним убеждениям и традиционным устоям.

Если представить схематично структуру управления центральными регионами империи на рубеже XIX и XX столетий и ее окраинными территориями, то получается несоответствие многих ее элементов. В сельской местности европейской части Российской империи доминировало общественное самоуправление, которое по вертикали подчинялось гражданским органам власти в уездах и губерниях. В местах проживания казаков оно сочеталось с контролем со стороны военного ведомства, а в районах с этническим населением все еще сохранялись традиции исторической самоорганизации народов. Все эти формы управления объединяло одно обстоятельство — отсутствие свободы политического самовыражения у большей части народных масс. Как следует из проведенного анализа, их интересы снизу доверху представлялись выборными, а чаще всего назначенными должностными лицами из привилегированной среды. В целом же региональная административно-правовая система существенно отставала в своем развитии и не соответствовала тенденциям роста социально-политической зрелости общества, а также процессам, которые определяли в это время преобразования в области государственного устройства.

Об этом свидетельствует, в частности, количество представительных органов власти на территории Терской области. Городские думы по состоянию на начало XX в. действовали только в трех из шести городов: Владикавказе, Пятигорске и Кизляре. В Грозном, Моздоке и Георгиевске управление строилось по упрощенной схеме (см.: [12, 82-90]). Поскольку речь зашла о городах, необходимо отметить ту роль, которую сыграл в административном развитии Терской области, в сближении народов Северного Кавказа, в ускорении его интегра-

ции в российское государство город Владикавказ.

Возникнув в качестве крепости, прикрывавшей Военно-грузинскую дорогу, он быстро развивался как центр экономической, торговой и культурной жизни региона. В указе о преобразовании крепости Владикавказ в город говорилось, в частности: «обратить находящуюся на Военно-Грузинской дороге из России в Закавказье, впереди главного хребта Кавказских гор, крепость Владикавказ с прилегающим к ней крепостным форштадтом в город и давать разные льготы и преимущества лицам, желающим водвориться в сем городе» [15, 32-32об.].

Необходимо отметить, что вопрос о включении форштадта в черту города сначала решался не в пользу его осетинского населения. Командующий войсками левого крыла Кавказской линии Н.И. Евдокимов настаивал на переселении осетин. Слободчане во главе с благочинным Осетинской церкви Аксо Колиевым обратились к экзарху Грузии, архиепископу Евсевию, который через заместника Кавказа князя А.И. Барятинского добился того, чтобы оставить осетин во Владикавказе. Однако Евдокимов не отказался от своих намерений и поручил начальнику Военно-Осетинского округа полковнику М. Кундухову уговорить жителей форштадта добровольно выселиться из Владикавказа. Кундухов вел весьма активную пропаганду, пытаясь убедить слободчан в том, что «при ограниченном количестве земли, отведенной для города, с увеличением народонаселения они неминуемо встретят недостаток в прокормлении себя одним хлебопашеством и отбывать городские повинности будут не в состоянии» [16, 2-11об.].

Жители форштадта не поддались на уговоры, говоря о том, что «при посто-

янной любви к труду, дело для каждого найдется и, если не они, то, по крайней мере, дети их научатся каким-нибудь ремеслам и, что будут выполнять городские условия не без пользы и для себя» [16, 12]. Они подали Евдокимову прошение, в котором обосновывали свое право на жительство в городе боевым сотрудничеством с гарнизоном бывшей крепости. В прошении говорилось: «Во время прихода к Владикавказу Казимуллы мы стояли заодно с гарнизоном крепости ... когда Шамиль подступал к Назрани и потом пошел в Кабарду, мы днем и ночью занимали караулы в крепость, и более других соплеменников наших всегда в очередь, отбывая всякого рода повинности, участвовали во всех экспедициях...» [16, 14-15] В конце концов, как сказано выше, вопрос был решен положительно.

Несмотря на удаленность от главных центров торговой деятельности России и водных путей сообщения, Владикавказ имел выгодное расположение. Он служил перевалочным пунктом для товаров, следовавших транзитно из России в Закавказский край. В его окрестностях проживали многочисленные обществу горских племен, они также стали привыкать к приобретению различных промышленных товаров и продуктов питания. Торговля стала основой не только увеличения численности населения Владикавказа, но и его разнородной этнической принадлежности. По данным переписи 1897 г. в городе проживали 30157 русских, 4347 осетин, 460 чеченцев и ингушей, 337 балкарцев, 119 кабардинцев, 1500 иностранных подданных, 9652 представителя других национальностей [17, 2-3, 55].

Применительно к теме настоящего исследования необходимо указать структуру управления городом и наличие в нем административных уч-

реждений. В состав городской управы входили городской голова, городской архитектор и врач. Владикавказское полицейское управление составляли полицмейстер, его помощник, три полицейских пристава с тремя помощниками. В судебном отношении Владикавказ был разделен на два участка. Кроме того, в городе были сосредоточены все гражданские и военные областные учреждения: областное правление, канцелярия начальника области, межевое управление, Владикавказский окружной суд, съезд мировых судей Владикавказского округа, хозяйственное войсковое правление, штаб войск Терской области, Владикавказское окружное полицейское управление, комиссия для разбора сословных прав Кубанской и Терской областей, таможенный надзор в области. Здесь же находились IV отделение Управления Министерства путей сообщения, управления губернского воинского начальника и Терской инженерной дистанции, штаб 20-ой артиллерийской бригады, инспектора постоянной милиции и штаб-квартира расположенных в городе войск [18, 83-84].

С проведением железной дороги значение Владикавказа существенно повысилось. Находясь у подножия Главного Кавказского хребта, он служил естественным и ближайшим рынком сбыта продукции горцев: сукон, сыров, пушнины, овчины, горского овса и других. Кроме того, Владикавказские базары и рынки снабжали Тифлисской губернии и сам Тифлис, а также часть Кутаисской губернии зерновым хлебом, горским сукном, бурками, рогатым скотом, лошадьми и всевозможными кустарными изделиями. По железной дороге через Владикавказ в центральную Россию направлялась продукция сельскохозяйственного производства: скот, фрукты,

кукуруза, пшеница, а на Харьковскую, Полтавскую и Нижегородскую ярмарки — кожа, овчина, мех, воск и т.п. Железнодорожное сообщение ускорило интеграционные процессы между различными районами Северного Кавказа, каждый из народов стремился наладить постоянные поставки своих товаров на региональный и общероссийский рынок. Увеличение товарообмена положительно сказалось на расширении кустарного производства, изделия которого в 1882 и 1887 гг. удостоились наград на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве и на Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Харькове [19, 137].

Постепенно Владикавказ стал центром цивилизационного и экономического сближения русского и горских народов. Во многом благодаря своему индустриальному развитию, он и окружающие его территории становились неотъемлемой частью империи. На базе рудных месторождений Осетии в 1898 г. было создано «Терское горнопромышленное общество», его компаньонами являлись крупные московские предприниматели. Общероссийского и международного масштаба достигло и общество «Алагир», управление которым размещалось на Большой Морской улице в Петербурге. Новые рудники и две обогатительные фабрики, построенные в Фаснале и Мизуре, выдавали огромные объемы руды. Заводские мощности «Алагира» не справлялись с выплавкой такого количества руды, и она отправлялась за границу. В 1898 г. общество приступило к строительству во Владикавказе крупного металлургического завода [19, 138].

С участием российских специалистов в Осетии была создана мощная для того времени промышленно-производственная база цветной металлургии. В 1902 г. только Садонский рудник

дал 1303686 пудов серебросвинцовых и цинковых руд. На этом руднике было занято 800 рабочих. В том же 1902 г. свою первую продукцию выпустил и Владикавказский металлургический завод. Создание единой отраслевой инфраструктуры значительно облегчило восприятие представителями горских народов, занятых в промышленном производстве, основных российских законоположений в области административных и правовых отношений. Теперь уже они усваивались не как нечто вынужденное, навязанное сверху, а вполне осознанно, в качестве руководства в повседневной жизни.

К началу нового века Владикавказ стал самым крупным городом в области. Здесь проживало 50403 человека. Чтобы показать динамику роста города, отметим, что в 1915 г. его население превысило 75 тыс. человек. Таким образом, за 15 лет оно выросло примерно на 25 тысяч жителей, или на 50%. В. И. Ленин указал, что «что рост индустриального населения на счет земледельческого есть явление, необходимое во всяком капиталистическом обществе» [20, 558]. Эти слова с полным правом можно отнести к Владикавказу, но с одной существенной оговоркой — в приросте его населения важнейшее значение имел приток в город не окружающего сельского горского населения, а переселенцев из внутренних губерний России. По состоянию на 1915 г. численность русских составляла 46870 человек, а всех представителей местных народов было около 9 тысяч человек [21, 226-229].

В социальном отношении в городе преобладали мещане и ремесленники, затем шли крестьяне, казаки и военное сословие, дворяне, духовенство [16, 3]. Следует подчеркнуть, что, несмотря на довольно быстрый рост Владикавказа как административного, торгового,

экономического и культурного центра Терской области, он до революции оставался городом чиновников и отставных военных. Как справедливо заметил профессор Л. П. Семенов, благополучие города было только внешним, в действительности же он тонул в нищете. Условия труда и жизни трудящихся были исключительно тяжелыми, практиковался 12-часовой рабочий день. В совокупности с жестокой эксплуатацией и политическим бесправием это вынуждало население на борьбу против грубого администрирования и самодержавных порядков. Получалось так, что, еще не успев утвердиться, имперские законы были отвергнуты частью представителей горских обществ, которые в силу различных обстоятельств оказались в самой активной с точки зрения борьбы за свои права рабочей среде.

Одновременно с ростом социальной напряженности, с расширением движения народных масс начался процесс объединения социал-демократических групп во Владикавказе, который в 1904 г. привел к созданию единой владикавказской группы РСДРП. Признаком оживления социал-демократического движения еще за год до этого являлось распространение нелегальной, преимущественно революционной марксистской литературы, а также прокламаций и листовок, издаваемых Донским комитетом РСДРП, в частности «Проекта программы РСДРП». Членами этих кружков становилось все большее число представителей горских народов, в том числе осетин.

В рассматриваемое время представители социал-демократии руководили отдельными выступлениями, митингами, собраниями рабочих ряда промышленных предприятий. В мае «началась общая забастовка извозчиков, рабочих электрического трамвая, местного заво-

да общества “Алагир”, обрабатывавшего садонскую серебряно-свинцовую руду, и других, причем отказывавшихся принять участие в забастовке, угрозами заставляли присоединиться. Вечером забастовщики толпами собрались на улицах под руководством... неизвестных молодых людей, по-видимому, переодетых студентов, которых много понаехало в г. Владикавказ, прошли по главным улицам города, гасили зажженную по случаю рождения государя императора иллюминацию (плошки на бульварах) и пели противоправительственные песни. По прибытии вызванных для водворения порядка войск несколько человек задержано, и толпа вскоре разошлась. 7 мая общая забастовка продолжалась, демонстрация же не повторялась, так как войсковые разъезды и патрули под командой полиции принимали должные меры к задержанию появлявшихся буянов...» [19, 147]

В конце 1904 г. во Владикавказе образовался Терско-Дагестанский комитет РСДРП, объединивший социал-демократические группы Дагестана и Терской области. Но молодой рабочий класс был еще малочисленным и не имел достаточного политического опыта. В этих условиях сильное влияние приобрели мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков, которые осуществляли руководство организацией. Сразу же после революционных событий 1905 г. в Терской области начали действовать военно-полевые суды. За короткий срок Владикавказская тюрьма была переполнена. Сотни участников революционеров были осуждены на разные сроки тюремного заключения или ссылки. Следует сказать, что репрессии коснулись и представителей горских народов, принявших участие в выступлениях против самодержавной политики в регионе.

В условиях военного положения в Терской области проходили выборы в

I Государственную думу, поэтому их проведение было чрезвычайно затруднено. Предвыборные собрания демократических организаций в г. Владикавказе не разрешались. Несмотря на принятые меры, терской администрации не удалось в день выборов «продемонстрировать» единение царя с народом, и население оставалось под воздействием революционных настроений. Результатом этого стало слабое участие избирателей в выборах. Явка составила немногим более половины горожан, имевших право голоса. Скорее всего, такое отношение к мероприятиям государственной важности следует расценивать как реакцию на восприятие власти и тех административных преобразований, которые проводились в области на протяжении нескольких десятилетий.

Таким образом, события в выделенные годы со всей очевидностью показывают противоречивый характер реформ в области утверждения российских административных институтов в горской среде Терской области. Официально ориентированные на непрерывный учет особенностей исторического развития народов, их обычаев и традиций, в реальности они отражали преобладание имперских интересов, что подтверждается довольно быстрым отказом верховной власти от внедрения народных элементов в деятельность всех структур местной власти. На смену им был возвращен опыт решения социально-политических вопросов силовыми методами, контроля над жизнедеятельностью горских обществ с помощью армии и казачьих подразделений, получавших за это лучшие земельные участки.

Проявляя стремление приобщить все народы Северного Кавказа к жизни по установленным в центральной России нормам и законам, власть тем не менее сделала опору на знатные слои

населения, проявив склонность к консервации сложившихся в обществе отношений и нежеланию поступаться интересами авторитарного правления. На это указывают и цели, поставленные перед воссозданным Кавказским наместничеством, а также задачи, на решение которых были направлены областные и окружные органы административного управления горскими народами.

При этом самодержавие не учитывало тенденций развития общественно-политических отношений на стадии внедрения и распространения капиталистических форм хозяйствования. Они не только повышали заинтересованность в результатах труда, но и способствовали расширению интеграционных связей как между народами, так и между различными регионами империи. Преобразовательные процессы в экономической сфере сближали людей различных национальностей, позволяли им ближе познакомиться друг с другом, узнать на понятном языке доверия отличительные признаки их жизни и перспективы существования в одном государстве. В данной ситуации какого-либо ответа на вопрос о желании стать частью большой общности людей вряд ли следовало ожидать. Им стало участие горцев наравне с русским и другими народами в движении против политики самодержавия, ущемлявшей их гражданские права.

История развития северокавказского региона показала, что предоставленная возможность свободного общения, сотрудничества и взаимодействия обладает значительно большим потенциалом сближения национальных, государственных и других интересов различных народов, в том числе находящихся на разных уровнях цивилизационной эволюции, нежели вмешательство в устоявшуюся веками традиционность самоорганизации с целью замены ее принципов

на незнакомые и чуждые основы централизованного управления.

В этом контексте неоспоримо значение центра Терской области — Владикавказа. Его развитие в качестве города регионального уровня пришлось на период активного проведения государственных реформ на Северном Кавказе. Создававшая инфраструктура отвечала возможностям и потребностям горского общества, а ее деятельность волею неволей основывалась на общих интересах представителей различных национальностей и этнических групп. Ат-

мосфера, царившая в городе, во многом формировала единство взглядов людей из разной социальной среды на реальную действительность, взаимообогащала их опытом мирного сотрудничества, вырабатывала стереотипы неформального общения, приучала к терпимости и законопослушанию. Это было очень важно с точки зрения наглядной демонстрации преимуществ сплоченного сосуществования над разобщенностью, которая препятствовала достижению такого уровня развития, который соответствовал исторической эпохе.

1. *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1984.
2. *Малахова Г. Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII-XIX в. Ростов-на-Дону, 2001.
3. ЦГА РСО-А. Ф. 30. Оп. 1. Д. 13.
4. ЦГА РСО-А. Ф. 55. Оп. 1. Д. 4.
5. Свод законов Российской империи. СПб., 1890. Т. 14.
6. РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18779.
7. ЦГА РСО-А. Ф. 256 (Чеченский отдел комиссии по правам личным и земельным). Оп. 1. Д. 33.
8. РГВИА. Ф. 1300. Оп. 7. Д. 3.
9. ЦГА РСО-А. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1551.
10. ЦГА РСО-А. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1550.
11. *Кануков А. А.* Положение о сельских (аульных) обществах и общественном управлении. Владикавказ, 1908.
12. *Селиванов А. Ф.* Терская область // Энциклопедический словарь. СПб., 1901. Т. XXXIII.
13. *Бурда Э. В.* Очерки о Терском казачестве. Нальчик, 2003.
14. *Караулов М. А.* Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912.
15. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 1. Д. 845.
16. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 246.
17. Первая всеобщая перепись населения Российской империи в 1897 г. Терская область. СПб., 1897. Т. 68.
18. История Владикавказа (1781-1990 гг.). Владикавказ, 1991.
19. *Шупец Е. С.* История развития города Владикавказа: тенденции и особенности (1784-1917 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2003.
20. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. III.
21. Кавказский календарь на 1917 г.